хотя и кажутся случайными в ритуальном контексте, часто «поддерживают» семантическое ядро самого обряда и проясняют его смысл, а в теоретическом аспекте учет этих данных помогает осмыслить и изучить вопрос о структуре и границах самого обрядового текста.

Примечания

[1] *Толстой Н.И.* Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 27.

[2] *Толстая С.М.* Этнолингвистика и фольклор // Наука о фольклоре сегодня: Междисциплинарные взаимодействия (К 70-летнему юбилею Ф.М. Селиванова). М., 1998. С. 37.

[3] *Ивлева Л.М.* Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994.

[4] *Морозов И.А.* Женитьба добра молодца. М., 1998.

[5] *Гнатюк В.* Колядки і щедрівки // Етнографічний збірник. Т. 35. Львів, 1914. С. XXV.

[6] Там же. С. XXXI.

[7] Подробнее об этом см.: *Виноградова Л.Н.* Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 115.

[8] *Толстая С.М.* Вариативность формульной структуры обряда (Купала и Марена) // Труды по знаковым системам. Т. XV: Типология культуры: Взаимное воздействие культур. Тарту, 1982. С. 83.

[9] *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Мотив «уничтожения — проводов» нечистой силы в восточнославянском купальском обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 114.

[10] *Толстая С.М.* Вариативность формульной структуры обряда (Купала и Марена). С. 81.

[11] Там же. С. 79.

[12] Полесский Архив Института славяноведения РАН (далее — ПА): с. Чудель Сарновского р-на Ровенской обл. Зап. 1984 г.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] ПА: с. Картушино Стародубского р-на Брянской обл. Зап. 1982 г.

[16] *Гавлай Г.В.* Белорусское Купалье. Минск, 1986. С. 15.

[17] Там же. С. 11.

[18] *Толстая С.М.* Вариативность формульной структуры обряда (Купала и Марена). С. 79. .

[19] Українці: Народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991. С. 464.

[20] Материали до українсько-руської етнольогії. Т. 6. Львів, 1903. С. 129.

[21] *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вып. 8. Вильна, 1912. С.210.

[22] Этнографическое обозрение. М., 1901. № 4. С. 95.

Т.С. КАНЕВА
(Сыктывкар)

ХОРОВОД *ИГРИЩЕ* В УСТЬ-ЦИЛЕМСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

Усть-цилемская фольклорная традиция стала известна широкому кругу ученых после поездки на Печору Н.Е. Ончукова в начале XX столетия, а затем по многочисленным экспедициям и публикациям полевых записей[1]. Между тем многие явления духовной жизни устьцилемов либо остались не включенными в широкое поле исследований по традиционной народной культуре, либо не получили всесторонней характеристики. К числу таких явлений принадлежит усть-цилемский хоровод *игрище*[2], бытовавший в рамках календарных собраний молодежи (зимние вечерки, масленичные гулянья) и свадебного обряда, т.е. соотносящийся с игровой и обрядовой сферами культурного обихода.

Словом *игрище* в традиционном русском быту обозначались собрания с ярко выраженным зрелищно-игровым началом, причем в ряде мест они были приурочены к определенным календарным периодам, т.е. игрище представляло собой праздничный хороводно-игровой комплекс[3]. В более узком смысле слово *игрище* употреблялось при названии хороводной игры («кругов»)[4]. Участниками практически всех подобных мероприятий были преимущественно молодые люди и девушки брачного возраста. Таким образом, слово *игрище* — одно из названий традиционного молодежного досуга. Будучи производным от слова *игра*, оно непосредственно отражает «формы поведения молодежи во всех жизненных ситуациях»[5], обозначает собственно «гулянье молодежи»[6]. Наибольшее распространение этот термин — в обоих указанных значениях — получил (или наилучшим образом сохранился) на Русском Севере, и поэтому детальное изучение этого комплекса на примере одной из севернорусских традиций представляет особый интерес.

На Средней Печоре встречаем употребление этого слова только в узком значении — по отношению к хороводу (или комплексу хороводов), причем применительно к совершенно определенному виду хореографического движения, обозначаемого здесь также глаголом *кружаться*: «*Игрищём называется — это кружаются-то*»[7]; «*под игрищечны песни кружаются*»[8]. Слово *игрище* в ме-

стной речи сочетается с глаголами *водить, делать, играть* («*игрище водить станут*», «*игрищо делают*», «*игрищо играли*»), т.е. употребляется так же, как и слово *хоровод*[9]. Глагол *кружаться* и любые производные формы от слова *игра* или словосочетания с ними в рассматриваемом контексте являются синонимичными, в рассказах информантов одно из них может служить пояснением другого: «*станем кружаться, играть*», «*парень с девкой играт, кружаются*»[10]; «*кружаться станут, игрища водить*»[11] и т.д. Таким образом, на Средней Печоре *игрище* означает определенный вид хоровода, а не молодежное увеселительное собрание вообще, как, в частности, охарактеризовала его Н.П. Колпакова: «Лирические частые плясовые песни носят местное название "игрищесных", так как основное место их бытования — "игрища", ***молодежные вечеринки в осеннее и зимнее время***» (курсив мой. — *Т.К.*)[12]. Песни, исполняемые на игрище, носят в Усть-Цилемском районе название *игрищечных*, таким образом выделяясь среди других групп местного песенного фольклора[13].

Усть-цилемское *игрище* представляет собой парный хоровод — *верчение* (кружение), которое совершалось парой молодых людей. Парень и девушка становились лицом друг к другу, сближаясь плечами (на одну линию, как бы проходящую перед каждым из них), брались кистью руки под локоть партнера (правой рукой под правый локоть или левой под левый) и выполняли круговые движения сначала в одну, затем в другую сторону. Эта особенность разделения участников игры по парам находит отражение и в высказываниях информантов: «*кружаться еще станут парами*»[14]; «*игрища по пары*»[15]; «*играли парами*»[16]; «*парой своей кружаются*»[17]. Вращательные движения совершались кружающимися, как правило, в медленном темпе, а также в более быстром, с приплясом, что в целом отличает усть-цилемские *игрища* от стремительных плясовых *верчений* и *кружений* пар, известных по другим традициям. Пара кружилась сначала в одну, затем в другую сторону: «*Девка сидит, он позовет ей на середину. Она выходит и рука за руку поймаются и кружаются, и на другу руку потом перевернутся*»[18]. Направление движения изменялось до трех раз («*три раза откружают*»[19]), т.е. пара должна была сделать три круга — сначала в одну, затем в другую сторону и снова, как в первый раз: «*С той руки кружаются, с этой направо, потом с другой*»[20]. Каждая пара таким образом как бы составляла отдельный круг: «*Потом это тут круги сделают, и парень это* [...] *он тут выйдёт, там круг, да этта круг да* [...] *кружаются*»[21].

Устные характеристики, предложенные информантами, и непосредственные наблюдения за исполнителями во время *игрища* дают представление о несколько отличающихся типах движений партнеров во время *кружаний*. В одном случае парень совершает меньший круг, практически оставаясь на месте, в то время как девушка двигается вокруг него, т.е. по кругу большего радиуса: «*Берет за руку и кружат. Парень почти на одном месте, как-то через носок кружается. Стоит, а девка кругом его. Потом на другу руку*»[22], «*парень девку вокруг водит*»[23]. В другом случае партнеры двигаются по одной круговой линии друг за другом вокруг воображаемой оси, проходящей между их соприкасающимися плечами (второй тип движений закрепился, очевидно, под влиянием фигур кадрили, получившей распространение на Средней Печоре в первой трети XX в., тем более что при указанных отличиях характер *игрища* принципиально не меняется). Однако речь информантов отражает традиционные, более устойчивые представления о распределении ролей в *игрище* («*парень девку кружат*»[24]). Таким образом, в *игрище* (как и в весенне-летних *круговых* хороводах, в которых разыгрывался выбор парнем девушки) за парнем закреплялась активная, а за девушкой — пассивная роль.

Играющие кружились по очереди, одновременно в хороводах участвовало небольшое количество пар («*по две-то выходят* [пары], *больше не выходят*»[25]). Иногда девушки, стоящие в ожидании приглашения, составляли круг, и *игрище* происходило внутри его: «*Много* [*девок*], *такой круг большушой, парень ходит-ходит, под ручку, не один. Игрище называлось, так играли*»[26]; «*Вот, например, один парень, а девок, бат, штук двадцать, вот эту песню поют, он всех кружает их по очереди. Вот в одну возьмет пару свою, та стоит, он одну откружал, он опять свою кружает, потом на втору руку опять втору — вот и ведет, всех девок кружает*»[27]. При *кружаниях* каждая пара находится в центре внимания присутствующих, таким образом происходит поочередная демонстрация пар.

Подобный усть-цилемскому *игрищу* тип хореографической фигуры описан В.Н. Всеволодским-Гернгроссом при характеристике мезенской танцевальной традиции: в некоторых танцах («*Конопелка*», «*Ковер*» и других) ему встретилось *верчение*, «которое местные жители выдают за свое исконное и которое делается не как обычно, взявшись как на вальс, и даже не правыми (или левыми) руками за талию, что чаще всего встречается в деревенской практике, но взявшись правыми (или левыми) руками на протяже-

нии от локтя до кисти, причем локти покоятся на лучевой кости»[28]. Вероятно, на Мезени подобная танцевальная фигура была довольно распространенной: о ней же — хотя и очень лаконично — упоминается в примечаниях к отдельным песням в сборнике «Песенный фольклор Мезени» («в круг ходили, перекруживались разными сортами»[29]); на Мезени известны также и парные *верчения* по плясовым песням, исполнявшиеся на свадебных девичниках и обозначаемые так же, как и на Средней Печоре, глаголом *кружаться*[30].

Еще в прошлом столетии в поездках по северу России *верчения* по песням наблюдали известные собиратели русского фольклора. В рассказе П.Н. Рыбникова о молодежных беседах в Петрозаводском и Повенецком у. Олонецкой губ. среди разнообразных игр отмечена пляска «*Сорви голову*»: «Мужчина и женщина схватятся сначала левою рукою и быстро вертятся на одном месте, а потом перехватятся правою рукою и кружатся в другую сторону»[31]. Ф.М. Истомин при характеристике подобной, «крайне упрощенной», по его словам, игры использовал местную (народную) терминологию, совпадающую с усть-цилемской: «...попарно *кружаются* (курсив мой. — *Т.К.*), т.е. вертятся, распевая при этом краткие и бессодержательные песни "повертушки"»[32]. Эти *кружания* устраивались, как отметил Ф.М. Истомин, на *игрищах* в летние праздники, но имели ли они какое-нибудь особое наименование или оно совпадало с названием самого собрания, из сообщения Истомина неясно. Насколько можно судить по этим кратким описаниям, речь в них идет об одной и той же или об очень похожих хореографических фигурах, исполняемых в пляске или хороводе.

Таким образом, парные кружения на Русском Севере, устраиваемые во время календарных или свадебных сборов молодежи, — явление не редкое, но очень скупо представленное в этнографической и научной литературе, что во многом затрудняет выявление специфики местных вариантов *игрищечных* хороводов.

Характеристика усть-цилемского *игрища* складывается на основе записей позднего времени (ФА СыктГУ, 1986—1990 гг.), так как в материалах ИРЛИ и МГУ сведения об *игрище* как таковом отсутствуют, имеются лишь немногочисленные указания о месте и форме исполнения отдельных *игрищечных* песен. В архиве ИРЛИ, где представлены записи двух экспедиций на Печору (1929 и 1955 гг.), сведений о хореографии *игрища* не выявлено. Однако в сборнике «Песни Печоры» его описание включено в комментарий одной «частой» песни: «На Средней Печоре разыгрывалась (песня *"Я недавно из похода из того"*, № 83. — *Т.К.*) в хороводах: девушки и парни стояли кругом, один из парней входил в круг со своей парой, кружился сначала с нею, затем поочередно со всеми девушками подряд; то же делали вслед за ним его товарищи, так что получалось непрерывное кружение пар»[33]. При этом не указывается ни наименование хоровода, ни календарная приуроченность, ни степень его популярности (нет отсылок на другие песни, исполнявшиеся подобным образом), т.е. по имеющимся материалам нельзя судить об устойчивости или изменяемости хореографии *игрища*, его репертуара.

Записи СыктГУ 1986—1990 гг. позволяют говорить о достаточно четкой регламентации *игрища* в годовом круге молодежных гуляний. *Игрища* в Усть-Цильме устраивались во время календарных собраний, главным образом на осенне-зимних посиделках, а также на масленичной неделе[34]. Еще одной важной сферой их бытования на Средней Печоре была свадьба («*Девка взамуж выходит, парень женится — тогда делали игрище*»[35]). Этот факт обращает на себя особое внимание, так как усть-цилемский свадебный фольклор представлен только причитаниями — свадебные песни не выделяются в местной жанровой системе. Таким образом, на свадьбе в Усть-Цильме исполнялись те же хороводные песни, что и при парных кружениях во время календарных сборов молодежи.

Примеры бытования хороводов и плясок на свадьбах хорошо известны и по другим северным традициям[36]. Вообще репертуар свадебных вечеринок был достаточно разнообразным: здесь могли исполняться свадебные величания, игровые припевки, хороводные, плясовые песни. Во многих районах круг песен, приуроченных к посиделочным и свадебным вечерам, совпадал, т.е. свадебные величания могли звучать на посиделках, и, наоборот, вечерочные песни исполнялись молодежью на предсвадебной неделе[37]. На Средней Печоре со свадьбой связаны не «посидочные» припевки, многие из которых построены на сюжетах свадебного характера и являются величаниями паре, а песни *игрищечные*, организующие парные хороводы (*кружания* или *игрище*). Из жанровых групп песенно-игрового фольклора Усть-Цильмы только песни *игрищечные* непосредственно связаны со свадебным обрядом, что указывает на их особую значимость, важность именно для обрядовых актов.

Судя по экспедиционным материалам, свадебное *игрище* несколько отличалось от *посидочного*. Но прежде чем говорить о спе-

цифике свадебных и вечерочных *игрищ*, необходимо отметить, что сведения о них неравнозначны: большая часть выявленных записей относится к *игрищам* на посиделках, информация же о свадебных хороводах носит малочисленный и обобщенный характер (исключая лишь некоторые моменты)[38]. Вероятно, это связано с достаточно ранним разрушением именно свадебной обрядности на фоне более устойчивой игровой молодежной культуры.

Игрище являлось факультативной частью молодежного собрания и достаточно четко отделялось от «посидочной части»: «*...кончится вечерка-то, дак игрище играем*»[39], «*после вечерки кружаются*»[40]. Очевидно, такое разделение этих двух видов игровой программы вечерки связано с существенными отличиями в исполнении припевок (песен собственно *посидочных*) и *игрищечных* песен. Пение припевок не сопровождалось хореографическими движениями, если не считать этикетных, «благодарственных» действий припетых парней, «по солнцу» обходивших девушек для поцелуев после припевания. *Игрищечные* же песни организовывали кружения пар, т.е. являлись хороводными. Припевание и *игрище* никогда не смешивались, следуя одно за другим: «*Пока припеваются, да потом кружаются* [...] *После припевок играть будут. Стол уберут и будут кружать девок — игрищо называлось*»[41].

Обозначим общие и специфические черты свадебных и посидочных *игрищ*. В определенной степени типологически сходным можно считать начало *игрища*, точнее, принцип распределения по парам играющих в начале хороводов. По отдельным указаниям, свадебное игрище открывали жених и невеста[42]: «*Они первы и выходят* [жених с невестой]»[43], «*Жених поди на улицу и веди свою невесту и будешь кружатьсе. Он берет тебя и ведет на улицу, там народу много. Он придет, встанет, под руку возьмет под праву, и вот так кружаются. И потом второй мужик напару, опять он невесту выведет. Откружаются они, два раз пройдут и усядутся, больше они не будут* [жених и невеста], *и там от парня к парню так все идет игрищо*»[44]. Участники гулянья выбирали партнера по личным симпатиям — «желаемого» жениха или невесту: «*Если парень как девку невестой считает котору, дак выйдет, ту позовет*»[45]. То есть на свадебном *игрище* структуру парного хоровода задавали жених и невеста, а холостая молодежь разбивалась по парам, как бы уподобляясь брачной паре.

На вечерке *игрище* начинали припетые пары — тоже женихи и невесты, но выделенные в качестве таковых песенной игрой (припеванием): «*Всех припоешь друг дружке там, кто невестой да женихом считаются*»[46]; «*Тебя припели к этому парню, ты должна этого парня вывести кружаться, или парень выводит девку, котору припоют, (в) первый раз обязательно*»[47]. Партнеры на вечерочном *игрище* выступали в роли жениха и невесты, подчиняясь условиям *посидочной* игры (припевания), по своей сути состоящей в «переженивании» молодежи. На *игрище*, как и в ходе припевания, реализовывалась эта же идея, поэтому и на вечерке и на свадебных гуляньях оно начиналось с *кружений* реальных (в соответствии с заключенным свадебным договором) или будущих, считавшихся таковыми в молодежном коллективе, жениха и невесты. В этом можно усматривать проявление брачного характера данного хоровода. Вечерочные хороводы предстают своего рода репетицией свадебного *игрища*, где жених и невеста первенствуют в соответствии со своими уже не игровыми, а обрядовыми ролями.

Как и на *посидках*, в свадебных *игрищах* участвовала только молодежь («*Свадьба идет, там кружается молодежь*»[48]). Во время свадебного пира молодежь играла *игрище* на повети или на улице: «*У жениха пируют на свадьбы, там на улицы кружаются ребята, девки*»[49]; «*Во время свадьбы-то вот и тут и идет игрищо, на улицы молодежь*»[50]. Таким образом, по отношению к участникам свадебного застолья *игрище* проходило автономно (как и свадебные игры и пляски в других традициях), хотя и не исключало присутствия «зрителей», т.е. по составу участников оно сохраняло свой сугубо молодежный характер, как и на *посидке*.

Жених и невеста, начав свадебное *игрище*, могли кружиться не только друг с другом, но и с другими партнерами: «*Откружаются* [жених с невестой], *она кого ле выведет, откружается с каким ле парнем, он каку ле девку выведет. И пойдет так всё — займо-заёмно* [...] *Откружают, дак и за стол опять седут*»[51]. Для жениха и невесты свадебное *игрище* по сути было последним гуляньем, когда они участвовали в общей игре холостой молодежи, поскольку женатой молодежи традиция предписывала уже другие правила поведения на праздничных собраниях.

В отличие от свадебных хороводов для посидочного *игрища* характерна относительно четкая композиция, о чем можно судить по материалам, записанным в одном из «микрорайонов» Усть-Цилемского района — в деревнях, расположенных по реке Пижма, где до недавнего времени сохранялись представления об определенном поряд-

ке начала и завершения *игрища* на вечерке. На пижемской *посидке игрище* открывалось песней с зачином «*Хозяин-от волюшки давает...*»: «*Уберут лавки, дают место в комнаты, запевают "Хозяин-от волюшки даваёт"*»[52]; «"*Хозяин-от волюшки" сразу и запевают* [...] *Эта сама перва песня игрищечная*»[53]. Завершалось пижемское *игрище* на вечерке орнаментальным хороводом, называемым здесь *вожжа* (типа «змейки»). Под песню «*Мимо тот, мимо каменных полот...*» парни и девушки, берясь за руки (или держась за кончики платков), поочередно выстраивались в цепевидный хоровод, возглавляемый парнем: «*Кружаются пока, потом вожжу станут водить в избе: парень встанет, девку берет, девка другого парня, ходят поют, по избе ходят кругом*»[54]. Походив в помещении, *вожжой* выходили на улицу, где хоровод разделялся на пары, которые кружились по песне «*С-по Дунаю спогуляю...*», после чего расходились по домам: «*Ходят тут кругом, потом на улицу пойдут, на улице опять поют "По Дунаю загуляю...". Кружаются там на улице парочками все, который парень девку берет, откружаются, тогды уж одеваться идут, расходиться*»[55].

Указания о порядке исполнения других *игрищечных* песен на *посидке* отсутствуют. Возможно, он был относительно свободным, поэтому в памяти информантов сохранилось четкое представление лишь о песнях, «обрамляющих» вечерочное *игрище*. Подобная устойчивость в последовательности именно первых вечерочных песен характерна для многих других традиций[56].

Определенное сходство и отличия в организации *игрища* на свадьбе и посидках наблюдаются при сопоставлении места его проведения. Как для любого хоровода, для *игрища* требовалось свободное место, поэтому на зимней посиделке для кружений изменяли обстановку в избе, убирая лавки и столы. Судя по общим характеристикам, можно отметить своего рода сезонное разделение пространства *игрищечных* хороводов: «*Зимой, дак в избе, а когда весной, дак и на улици*»[57]. Практически во всех сообщениях о свадебном *игрище* относительно места его организации информанты устойчиво указывают не жилую часть избы (комната), а улицу или поветь: «*Во время свадьбы-то вот и тут и идет игрищо на улицы...*»[58], «*У жениха на поветях игрища были*»[59]. В записях свадебного обряда, выполненных Н.П. Колпаковой в 1929 г., отмечается то же самое: «кружанье обычно происходило на дворе (если позволяла погода) или на повети»[60].

На наш взгляд, отличия свадебного и вечерочного *игрища* на уровне противопоставления дом / улица, жилая / нежилая часть избы связаны не с их условной сезонной специализацией, а вероятно с различным статусом этих хороводных гуляний. В то время как кружения на *посидке* служат своего рода «репетицией», «преддверием» свадебного хоровода жениха и невесты, парное верчение на свадьбе выступает уже собственно знаком брачного соединения. По сути, этот хоровод был единственной песенной игрой, составлявшей программу молодежного свадебного собрания, которое завершалось либо совместной «ночевкой» (на девичнике), либо брачной постелью молодоженов (на свадебном пиру). В обрядовом контексте парный хоровод, пляска более ярко, чем на вечерке или других гуляньях, обнажали сущность, конечную цель этой необходимой предварительной игры, которая расценивалась как «греховная»: «*На свадьбе игрища делали — на улице, на поветях, в избе грех. Играли да плясали, пели игрищечные песни*»[61]. С этим, очевидно, и связана установка на проведение свадебного *игрища* преимущественно вне жилого пространства избы. «Греховность» *игрища* (особенно свадебного) состояла, с одной стороны, в специфике песен, и в первую очередь в их хороводно-плясовых (пластических) формах[62]: «*Танцевать-то сперва еще не давали, запрещали, грехом считали*»[63] (хотя в данном случае имеются в виду «новые» танцы в сопровождении инструментальной музыки). Хороводы (некоторые с приплясом) привносили на свадьбу веселое оживление, что не соответствовало старообрядческим установкам, по которым сам брак и обряд, его организующий, не должны вызывать радости. Немаловажное значение в этой связи имела тематика самих *игрищечных* песен, обыгрывающих разные стороны любовных взаимоотношений, ненормированного поведения. Определенный отпечаток на представление о недозволенности *игрища* наложили особенности половозрастных характеристик его участников. «В силу народного представления о стихийно-природных, полудиких свойствах молодого возраста, ему приписывалась более тесная связь с темными, "нечистыми" силами»[64], которая — позволим себе продолжить высказывание Т.А. Бернштам — достигает своей кульминации накануне и непосредственно при «переходе», каковым, в частности, является свадьба.

Если на свадьбе *игрище* в силу своей «греховности», недозволенности с точки зрения строгих старообрядческих установлений выносилось за пределы жилой части дома, то вечерочное *игрище* устраивалось, как правило, в избе. Но в самой его композиции можно усматривать элементы, направленные на ограждение дома от «бесов-

ства», «нечистоты» гулянья. Мы имеем в виду змеевидный хоровод *вожжу*, которым завершались посидочные кружения и который, очевидно, выполнял магическую, очистительную функцию[65]. Заключительный общий хоровод размыкал пространство вечерочной избы, выводя перекружившихся между собой участников гулянья на улицу.

Отличительные особенности свадебного и посидочного *игрища* обнаруживаются также на уровне песенного репертуара (хотя дифференцировать весь корпус *игрищечных* песен по приуроченности к вечеркам или свадьбе не представляется возможным, поскольку в имеющихся записях встречаются лишь отдельные пометы, позволяющие судить о том, что репертуар свадебных и вечерочных *игрищ* имел определенные различия). В экспедиционных материалах МГУ и СыктГУ выявлены три песни, по свидетельству информантов исполнявшиеся на свадебных *игрищах*: «*С-по лугу-лугу разливалася вода...*», «*Зелено вино в кармашке...*», «*Луговушка луговая, молодушка молодая...*». Примечательно, что они имели разное распространение по району: «*Луговушка луговая*» известна по р. Пижме, варианты песни «*Зелено вино в кармашке*» записывались в деревнях по рекам Цильме и Печоре, песня «*С-по лугу-лугу*» зафиксирована повсеместно. Кроме указанных трех песен к репертуару свадебных хороводов, по единичным указаниям, можно отнести такие песни, как «*Молодка, молодка молоденькая...*» (по комментарию к одной из 24 записей этой песни) и «*Баско ходишь, где берешь...*» (два указания). Безусловно, круг *игрищечных* песен, организующих кружения пар во время свадебных гуляний, был значительно шире, но информация об этом исчерпывается представленными сведениями.

Еще три *игрищечные* песни имели абсолютно четкие указания места и формы исполнения на пижемской посидке («*Хозяин-от волюшки давает...*», «*Мимо тот, мимо каменных полот...*», «*С-по Дунаю спогуляю...*») и, вероятно, в силу своих специфических функций они не могли исполняться на свадебных *игрищах* («*Тут уж на свадьбы не поем "Хозеин-от волюшки давает", тут уж каку хочем*»[66]).

Таким образом, несколько сюжетов *игрищечных* песен сохранили конкретные функционально-бытовые характеристики, позволяющие сделать вывод, что репертуар вечерочных *игрищ* определенным образом отличался от репертуара свадебных хороводов. Из анализа же полевых материалов 1980-х годов следует, что их специфика во многом утрачена (встречаются указания типа: «[*На свадьбе игрище*] *делали, и те же песни*»[67], «[*На свадьбе игрище*] *как на посидках, только припевки не поют, а игрищечны, там ведь много песен всяких*»[68], «*Те же самы* [*игрищечные песни*], *что на посидках, когды эти игрища-то играют, те же самы тут играют на девичнике*»[69]). Причина подобной ситуации, на наш взгляд, в том, что в советское время, когда традиционный свадебный обряд практически полностью ушел из живого бытования, а вечерки, хотя и в значительно трансформированном виде, продолжали существовать в досуге печорцев, границы между репертуаром свадебных и посидочных *игрищ* оказались размыты-ми.

Итак, усть-цилемское *игрище* представляет собой парный хоровод-верчение (*кружание*), в котором исполнялись песни, выделяемые среди других песенных групп по характерным только для них хореографическим формам. *Игрище* было связано с календарными и свадебными собраниями молодежи. Различия хороводов, устраиваемых на осенне-зимних вечерках и во время свадьбы, состоят прежде всего в их статусе и обусловлены разными функционально-бытовыми характеристиками. На посиделке *игрище* выступает как игра, предусматривающая выделение пар в хороводе в соответствии с игровым припеванием молодежи, в обрядовом же (свадебном) контексте оно приобретает значение собственно брачного хоровода, где первенствуют жених и невеста, а остальные кружащиеся пары уподобляются им. Любой участник молодежного собрания на свадьбе мог не просто выступить в роли жениха или невесты (как и на вечерке), но и быть партнером одного из «настоящих» (реальных) молодоженов, и каждая пара представала как брачная. Таким образом, на свадебном и посидочном *игрище* его участники выступали в несколько различающихся ролях (игровых или обрядовых), что важно для характеристики этого хоровода. Другой его существенной чертой можно считать выделение из молодежного коллектива отдельных пар, причем эта функция, характерная и для припевания (где пары выделялись посредством называния их имен в контексте песни), реализовывалась в хороводах пластическими средствами: при круговом вращении партнеры поочередно «показывали» себя присутствующим, каждый «кружок» находился в центре внимания, и это хороводное действо приобретало ярко выраженный демонстрационно-ролевой характер.

Игрище оказалось связанным с завершающими моментами отдельных этапов обрядовой жизни печорцев: *игрищечными* хороводами оканчивалась вечерка, иногда *го-*

рочные (весенне-летние) собрания, гулянья перед постом на масленицу и год молодежной игры и, наконец, добрачный период жизни (свадебное *игрище*). Тем самым *игрищечный* хоровод маркирует грань между разными этапами жизненных циклов.

Примечания

[1] *Ончуков Н.Е.* Печорские былины. СПб., 1904; *Он же.* Печорские стихи и песни. СПб., 1908; *Он же.* Северные сказки. СПб., 1909; Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. ст. и коммент. И.В. Карнауховой. Л., 1934; Былины Севера / Зап., вступ. ст. и коммент. А.М. Астаховой. Т. 1: Мезень и Печора. Л., 1938; *Базанов В.Г.* Поэзия Печоры. Сыктывкар, 1943; Русская народная бытовая лирика. Причитания Северного края в записях В.Г. Базанова и А.П. Разумовой 1912—1945 гг. М.; Л., 1962; Былины Печоры и Зимнего Берега. М.; Л., 1961; Песни Печоры / Изд. подгот. Н.П. Колпакова, Ф.В. Соколов, Б.М. Добровольский. М.; Л., 1963; *Балашов Д.М.* Печора и ее сказители // Север. 1965. № 3. С. 73—84; *Красовская Ю.* Сказители Печоры. М., 1969; А в Усть-Цильме поют: Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы / Подгот. текстов и коммент. З.Н. Бильчук, А.Н. Власова, А.Н. Захарова, Т.С. Каневой. СПб., 1993; *Бильчук А.А., Власов А.Н., Захаров А.Н., Мехреньгина З.Н.* Памятники русского песенного эпоса в фольклорном архиве Сыктывкарского университета // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 1995. Т. XVIII. Эпические традиции. С. 258—289.

[2] Местными жителями произносится с ударением как на первом, так и на втором слоге.

[3] Термин *игрище* многозначен. Игрищем назывались языческие обряды, упоминаемые в летописании, церковных поучениях и других памятниках в связи с осуждением дохристианских нравов и обычаев (*бесовские игрища*). По мнению В.Е. Гусева, обрядовые игрища генетически восходят к древнейшей магической практике человека. С утратой магического назначения, постепенно «отрываясь от обряда и переходя в народный быт», игрища «превращались в собственно народные игры, служащие для развлечения и забавы» (*Гусев В.Е.* Эстетика фольклора. М., 1967. С. 152—155).

Синкретическая природа игрища обусловила многозначность употребления этого слова в более позднее время. Во-первых, оно служит обобщенным названием собраний развлекательного характера, не связанных с какой-либо трудовой деятельностью и не имеющих четкой календарной приуроченности, т.е. гуляний вообще (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1994. С.7; *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898. С. 31; Словарь русских народных говоров. Л., 1977. Вып. 12. С. 71—72 и др.). Подобные факты отмечаются и современными исследователями, например в Поозерье (*Ромодина И.А.* Молодежные собрания Поозерья: труд — обряд — игра // Зрелищно-игровые формы народной культуры. Сб. науч. тр. Л., 1990. С. 46—47). Во-вторых, *игрищами* именуют собственно игровые представления и сценки ряженых во время праздников или обрядов (*Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 246 и др.). Таким образом, *игрищем* называют любые зрелищно-игровые виды народной культуры, в том числе и народную драму. В.Е. Гусев выделяет два типа игрища: *карнавальный* — хождения и действа ряженых с символической фигурой — и *хороводный* — «комплекс или "венок" хороводных действ и игр» (*Гусев В.Е.* Русская народная художественная культура: Теоретические очерки. СПб., 1993. С. 46).

Слово *игрище* связано также с наименованием молодежных собраний, причем в одних местах его относят только к осенне-зимним, в других только к весенне-летним гуляньям. Нередко словом *игрище* обозначали вечерки вообще (*Едемский М.Б.* Вечерованье и городки (хороводы) в Кокшеньге Тотемского уезда // Живая старина. 1905. Вып. 3—4. С. 446) или вечерки с песнями и плясками (например, у семейских: Хороводные игровые песни Сибири / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников. Новосибирск, 1985. С. 5), но особенно часто так называли увеселения в период святок. Это наблюдалось, к примеру, в отдельных уездах Новгородской, Нижегородской, Смоленской, Вологодской, Владимирской губ. (Посиделки в Новгородской области. Песни и игры (Метод. пособие по использованию традиционного фольклора в клубной работе) / Сост., нотации напевов, предисл. М.А. Лобанова. Новгород, 1988. С. 8; *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Праздничная культура Вологодского края. Ч. 1. Святки и масленица. М., 1993. С. 36; *Носова Г.А.* Пережитки обрядов и верований в традиционном фольклоре // Традиционный фольклор Владимирской деревни (в записях 1963—1969 гг.) / Отв. ред. Э.В. Померанцева. М., 1972. С. 71). *Игрищами* назывались святочные вечерки («двенадцать игрищ») на севере Кировской обл. [ФА СыктГУ 2804-25 (Зап. в 1995 г., Кировская обл., Юрьянский р-н, Верховинский с/с, д. Сержантовы, Земцова А.Е., 1916 г.р.) и др.]. В Среднем Приангарье (Кежемский р-н Красноярского края) гулянья под названием *игрища* были приурочены лишь к четырем праздникам осенне-зимнего сезона — Иннокентьеву дню, Николе зимнему, Рождеству и Крещению (*Мухомедшина Л.А.* Традиционные собрания холостой молодежи в Среднем Приангарье (конец XIX—XX в.) // Зрелищно-игровые формы народной культуры: Сб. науч. ст. / Ин-т театра, музыки, кинематографии. Л., 1990. С. 54).

В.И. Чичеров отмечал, что святочные вечерки или игрища, в которых «органично сливаются песни, пляски, ряженье, игры, гадания», характерны для Русского Севера — Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Вятской губ. и сопредельных областей (*Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв. (Очерки народных верований). М., 1957. С. 177). В то же время в ряде районов — главным образом опять-таки в севернорус-

ских — термин *игрище* относится к уличным гуляньям весенне-летнего периода: например, на Пинеге, на Поморском берегу Белого моря, в Олонецкой губ., а также в Поволжье, Иркутском Приангарье (*Бернштам Т.А.* Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье XIX — нач. XX в. // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л., 1978. С. 65; *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Изв. имп. ОЛЕАЭ при Моск. ун-те. Тр. этнографического отдела. М., 1878. Т. 30. Кн. 2. Вып. 2. С. 141; *Калашникова Р.Б.* Молодежная заонежская беседа конца XIX — начала XX в. // Кижский вестник. № 4. Заонежье. Петрозаводск, 1994. С. 57; Словарь русских народных говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994. Т. 2. С. 266). В этих случаях слово *игрище* часто выступает в качестве оппозита словам *беседа, посидка*, которые соответствуют более «камерным» (по сравнению с развернутыми и многолюдными летними играми) зимним вечеркам. Противопоставление слов *игрище* и производных с корнем *сид-/сед* как обозначений разных видов календарных собраний, очевидно, связано с тем, что в них заключены представления о различных типах предписываемого традицией поведения на них: игра, движение — сидение. Не случайно в рассматриваемом контексте синонимом слова *игрище* может служить слово *круг* с ярко выраженным пространственным значением.

Слово *игрище* встречается в ряду наименований не только годовых (досвадебных) собраний молодежи, но также и собственно свадебных мероприятий с ее участием. Например, на Кандалакшском берегу Белого моря так назывались свадебные вечеринки в доме невесты (*Бернштам Т.А.* Девушка-невеста и предбрачная обрядность... С. 65).

[4] Такое словоупотребление зафиксировано, например, на Мезени, на Поморском берегу Белого моря (*Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Крестьянский танец // Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Т. 2. Л., 1928. С. 236; *Бернштам Т.А.* Девушка-невеста и предбрачная обрядность... С. 53). В Карельском Поморье игровые песни, исполнявшиеся на весенне-летних «гульбах», иногда назывались *игрищными* (Русские народные песни Карельского Поморья / Сост. А.П. Разумова, Т.А. Коски. Л., 1971. С. 17), а в отдельных местностях Тарногского р-на Вологодской обл. вечерочные и свадебные хороводы («кружки», «городки») имели наименование *игрушки* (*Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И.* Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985. С. 148).

[5] *Бернштам Т.А.* Совершеннолетие девушки в метафорах игрового фольклора (традиционный аспект русской культуры) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 235.

[6] *Бернштам Т.А.* Новые перспективы в познании и изучении традиционной народной культуры (теория и практика этнографических исследований). Киев, 1993. С. 105.

[7] ФА СыктГУ 0356-12 (Зап. в 1988 г., Усть-Цилемский р-н Республики Коми (далее — РК), с. Замежное Пижемского с/с от Андреевой А.К., 1910 г.р.).

[8] ФА СыктГУ 0322-56 (Зап. в 1987 г., Усть-Цилемский р-н РК, д. Степановская Пижемского с/с от Чуркиной Е.Н., 1904 г.р.).

[9] Ср. *играть хоровод* (Словарь русских народных говоров. Л., 1977. Вып. 12. С. 68).

[10] ФА СыктГУ 0373-54 (Зап. в июле 1988 г., Усть-Цилемский р-н РК, д. Карпушовка от Чупровой Е.Е. без указания г.р. [далее — н/у г.р.]).

[11] ФА СыктГУ 0387-24 (Зап. в 1989 г., Усть-Цилемский р-н РК, д. Лёвкинская Пижемского с/с от Михеевой Л.А., н/у г.р.).

[12] Песни Печоры. С. 13.

[13] А в Усть-Цильме поют... Раздел 3; *Канева Т.С.* Песенно-игровой фольклор Усть-Цилемского района Республики Коми: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998.

[14] ФА СыктГУ 0387-24.

[15] ФА СыктГУ 0369-18 (Зап. в 1988 г., Усть-Цилемский р-н РК, п. Н. Бор от Панасенко (Чупрова) А.Е., 1915 г.р., урож. д. Абрамовской, р. Пижма).

[16] ФА СыктГУ 0378-3 (Зап. в 1988 г., Усть-Цилемский р-н РК, п. Н. Бор от Поздеевой Т.Н., 1918 г.р., урож. д. Окунево, р. Печора).

[17] ФА СыктГУ 03104-21 (Зап. в 1990 г., с. Усть-Цильма РК от Семеновой М.А., 1917 г.р., урож. д. Черногорской, р. Пижма).

[18] ФА СыктГУ 0367-5 (Зап. в 1988 г., Усть-Цилемский р-н РК, п. Н. Бор от Кисляковой С.С., 1918 г.р., урож. д. Абрамовской, р. Пижма).

[19] ФА СыктГУ 0339-3 (Зап. в 1987 г., Усть-Цилемский р-н РК, д. Медвежка от Торопова И.Ф., 1903 г.р., урож. д. Росвино р. Печора).

[20] ФА СыктГУ 03106-34 (Зап. в 1990 г., Усть-Цилемский р-н РК, с. Замежное Пижемского с/с от Мяндиной А.Г., 1903 г.р.).

[21] ФА СыктГУ 0391-11 (Зап. в 1989 г., Усть-Цилемский р-н РК, д. Степановская Пижемского с/с от Михеевой Е.Г., н/у г.р.).

[22] ФА СыктГУ 0367-25 (Зап. в 1988 г., Усть-Цилемский р-н РК, п. Н. Бор от Бобрецовой Е.Т., 1913 г.р., урож. д. Загривочной, Пижма).

[23] ФА СыктГУ 03106-29 — см. 03106-34.

[24] ФА СыктГУ 0391-11.

[25] ФА СыктГУ 0367-5.

[26] ФА СыктГУ 0399-44 (Зап. в 1989 г., с. Усть-Цильма РК от Поздеева К.П., 1902 г.р.).

[27] ФА СыктГУ 0378-3.

[28] *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Крестьянский танец. С. 240—241.

[29] Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н.П. Колпакова, Б.М. Добровольский, В.В. Митрофанова, В.В. Коргузалов. Л., 1967. С. 333.

[30] В экспедиционных материалах 1928 г. Н.П. Колпакова отмечала, что на Мезени в предсвадебную неделю у невесты собиралась молодежь, где «плясали "по *игрищным* песням" (курсив мой. — *Т.К.*) без музыки» [Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (далее — РО ИРЛИ) к. 165, п. 25, л. 75]; быстрые *кружания* на свадьбе зафиксированы в Лешуконье экспедицией Академии культуры г. Санкт-Петербурга. Вращение пар, обозначаемое в местной речи как *«крутиться по парам»*, известно также в одной из сибирских традиций — в Усть-Илимском р-не Иркутской обл. Партнеры так же, как и в пе-

чорском *игрище*, стоят лицом друг к другу, правые локти скреплены, правые плечи прижаты, однако от усть-цилемских *игрищ* эти хороводы отличаются быстрым темпом и обилием плясовых элементов (*Мухомедшина Л.А.* Традиционные собрания холостой молодежи... С. 187).

[31] Песни, собранные П.Н. Рыбниковым / Изд. подгот. А.П. Разумова, И.А. Разумова, Т.С. Курец. Петрозаводск, 1991. Т. 3. С. 127.

[32] Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. / Зап. слова Ф.М. Истомин, напевы Г.О. Дютш. СПб., 1894. С. XV.

[33] Песни Печоры. С. 402.

[34] В полевых записях последних лет встречаются отдельные указания о том, что *игрищами* могли завершаться и весенние горочные хороводы. На самом деле горка — это насыщенное хороводами, «самодостаточное», цельное хороводно-игровое действо, имеющее стройную композицию. Поэтому подобные сведения, на наш взгляд, отражают современный процесс размывания четких границ между этими явлениями культурного обихода.

[35] ФА СыктГУ 0381-21 (Зап. в 1989 г., с. Усть-Цильма РК от Бабиковой И.И., 1901 г.р.).

[36] Например, на Пинеге после угощения на свадебном богомолье устраивались хороводные игры (*Чирцов Д.* Свадебные обычаи в Пинежском уезде Архангельской губернии // Изв. Архангельского Об-ва изучения Русского Севера. 1916. № 9—10. С. 352), в Тарногском р-не Вологодской обл. на девичнике водились *кружки* («городки», «игрушки») (Русская свадьба. С. 146), пляски под гармонь на «*шитнике*» сопровождали гулянья в Никольском у. Вологодской губ. (Русские народные песни и свадебный обряд в д. Жуково Никольского у. Вологодской губ. / Зап. А. Попов // Труды музыкально-этнографической комиссии. 1906. Т. 1. С. 481). О плясках на свадебном пиру см., например: *Дмитриева С.И.* Современное состояние традиционного фольклора // Традиционный фольклор Владимирской деревни (в записях 1963—1969 гг.) / Отв. ред. Э.В. Померанцева. М., 1972. С. 50.

[37] *Колпакова Н.П.* Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962. С. 89—90; Русская свадьба. С. 21; Нижегородские хороводы / Сост. К.Е. Корепова. Горький, 1989. С. 28 и др.

[38] Сведения об «игрищах», устраиваемых на масленичной неделе, выявлены только в фольклорном собрании СыктГУ; они представляют собой краткие указания о праздничном времяпрепровождении молодежи в контексте рассказов о масленице и поэтому не позволяют дать полную характеристику масленичных игрищ и определить их специфику. В связи с этим мы ограничились сопоставлением посидочного и свадебного хороводов.

[39] ФА СыктГУ 03100-39 (Зап. 1989 г., с. Усть-Цильма РК от Талеевой П.Г., 1910 г.р., урож. д. Уег, р. Печора).

[40] ФА СыктГУ 03106-29 — см. 03106-34.

[41] ФА СыктГУ 0367-25.

[42] Подобным образом женихом и невестой начинались парные хождения по избе под свадебные песни на пинежской свадьбе (*Чирцов Д.* Свадебные обычаи... С. 352).

[43] ФА СыктГУ 03106-36 — см. 03106-34.

[44] ФА СыктГУ 0381-64 (Зап. в 1989 г., с. Усть-Цильма РК от Бобрецовой А.А., 1914 г.р.).

[45] ФА СыктГУ 03104-21.

[46] ФА СыктГУ 0389-4 (Зап. в 1989 г., Усть-Цилемский р-н РК, с. Замежное Пижемского с/с от Осташовой А.Ф., 1903 г.р.).

[47] ФА СыктГУ 0367-25.

[48] ФА СыктГУ 0339-3.

[49] ФА СыктГУ 0381-71 (Зап. в 1989 г., с. Усть-Цильма РК от Чупровой М.И., 1910 г.р.).

[50] ФА СыктГУ 0366-32 (Зап. в 1988 г., Усть-Цилемский р-н РК, д. Гарево от Хозяиновой К.И., 1913 г.р.).

[51] ФА СыктГУ 03106-36.

[52] ФА СыктГУ 0356-30 (Зап. в 1987 г., Усть-Цилемский р-н РК, с. Замежное Пижемского с/с от Мяндиной А.Г., 1903 г.р.).

[53] ФА СыктГУ 0389-6б (Зап. в 1989 г., Усть-Цилемский р-н РК, с. Замежное Пижемского с/с от Осташовой Ф.Ф., 1905 г.р.).

[54] ФА СыктГУ 0387-24.

[55] ФА СыктГУ 0387-26 — см. 0387-24.

[56] Например, в с. Ивановка Прилузского р-на Республики Коми — первая песня «*Девушки, девушки, не сидеть пришли*» (ФА СыктГУ 1310-1); в Нагорском р-не Кировской обл. первые три песни рождественского *игрища*: «*Скоморох ходил по улице*», «*Как во городе во Казани*», «*Не скочи-ко ты, козел, в огородец*» (ФА СыктГУ 3117-58, 59); на северо-западе Ненецкого автономного округа первая песня на вечерке «*Серый зайка-загуляйка, загулял парень да детина...*» (ФА СыктГУ РФ 07-III. С. 26).

[57] ФА СыктГУ 0389-13 — см. 0389-6б.

[58] ФА СыктГУ 0366-32 (Зап. в 1988 г., Усть-Цилемский р-н РК, Усть-Цилемский с/с, д. Гарево от Хозяиновой К.И., 1913 г.р.).

[59] ФА СыктГУ РФ 03-XIV-57 (Зап. в 1988 г., Усть-Цилемский р-н РК, Цилемский с/с, с.Трусово от Чупровой П.И., 1909 г.р.).

[60] РО ИРЛИ к. 165, п. 25, л. 104.

[61] ФА СыктГУ РФ 03-XIV-44 (Зап. в 1988 г., Усть-Цилемский р-н РК, Цилемский с/с, д. Филипповская от Носовой З.Г., 1910 г.р.).

[62] В старообрядческих деревнях Тарногского р-на Вологодской обл. пляску считали большим грехом, и запрет на нее снимался только на святки, во время свадьбы, на годовые праздники (*Морозов И.А., Слепцова И.С.* Праздничная культура Вологодского края. С. 73—74).

[63] ФА СыктГУ 0391-27 (Зап. в 1989 г., Усть-Цилемский р-н РК, Пижемский с/с, д. Загривочная от Поташовой М.Н., н/у г.р.).

[64] *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — нач. XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 246.

[65] Подобными очистительными действиями («крестом») оканчивались посиделки в Новгородской губ. Т.А. Бернштам объясняет это тем, что «сама молодежь боялась попасть под действие нечисти» (*Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины... С. 247).

[66] ФА СыктГУ 03106-35... — см. 03106-34.

[67] Там же.

[68] ФА СыктГУ 0389-13... — см. 0389-6б.

[69] ФА СыктГУ 0380-77(Зап. в 1989 г., с. Усть-Цильма РК от Поздеевой П.П., 1918 г.р.).